

Виктория Токарева

Немножко иностранка

Издательство «Азбука»

Виктория Самойловна Токарева

Немножко

иностранка (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18697320

Немножко иностранка: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург;

2016

ISBN 978-5-389-11608-5

Аннотация

«...Что такое талант вообще? Это дополнительная энергия, которая ищет выхода. И находит. Энергия чужого таланта распространяется и на меня. Я ее чувствую. Гениальность – несколько другое. Гений – проводник между Создателем и людьми. Создатель через гения передает свои послания.

Я стою перед фресками Джотто и через семьсот лет принимаю сигнал».

В. Токарева

Содержание

Рассказы	5
С лицом осетра	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктория Токарева

Немножко иностранка

© Токарева В. С., 2016

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016 Издательство АЗБУКА®

Рассказы

С лицом осетра

От Инны Рогожкиной ушел любовник. Бросил. Без объяснения причин. Так легче.

А какой был роман... Не роман даже, целая жизнь. Все это продолжалось десять лет. Инне казалось: вот они – две половинки целого, но... он нашел себе другую половинку.

Инна знала эту женщину. Моложе, но ненамного. На пять лет всего. Сейчас популярна разница в двадцать и тридцать лет. Появилось словечко «папик», это значит – папа, отец. Мужики женятся на дочках, а дочки – на деньгах.

А здесь, в случае Инны, – ничего не понятно. Соперница по имени Василиса была похожа на трансвестита, как будто сделана из мужика. Мужик натянул платье, отрастил кудри и отрезал пенис. А может, не отрезал, а оставил как было. Василиса – плечистая, разворотистая, но главное – в другом. Василиса была богатая, в отличие от Инны, которая сводила концы с концами.

При социализме учили, что деньги – зло. А деньги – это как раз благо, свобода, возможности. Зло – это отсутствие денег. Но стране было выгодно держать людей в бедности, поэтому бедность воспевали: «А я еду, а я еду за туманом,

за туманом и за запахом тайги». Эти слова переиначили: «А я еду, а я еду за деньгами, за туманом едут только дураки».

Любовник – его имя Владик – ушел к богатой. Есть даже термин «золотая мамка». Владик ушел к золотой мамке. Она поможет ему выпустить альбом, даст золотой пинок. А от Инны какая польза? Только слова и объятия. За десять лет объятия износились. Впереди – изматывающий труд художника-карикатуриста, постоянное перенапряжение – карикатуру в каждый номер газеты, боязнь халтуры, боязнь повторения.

Инна знала себя. Она десять лет любила, теперь ей понадобится десять лет, чтобы изжить это чувство. Итого двадцать лет псу под хвост. Как раз – вся молодость и зрелость.

Что останется впереди? Перезрелость и обида на все человечество.

Справедливости ради надо сказать: первые десять лет – не под хвост. Это не были вырванные годы, как говорят. Это был рассвет над Москвой-рекой, «весенняя гулкая рань, счастье, настолько осязаемое, что его можно было потрогать руками, прикоснуться губами, испить до дна».

Сейчас счастье отобрали, нагло выхватили и еще облили помоями с ног до головы. Все ходят мимо и усмеваются.

Инна покрылась красной сыпью. Врач сказал: на нервной почве. Кожа реагирует на стресс.

Далее врач сказал, что надо намазаться болтушкой и не мыться три дня. Желательно нигде не появляться, поскольку

болтушка вонючая, с примесью дегтя. А через три дня можно будет все смыть под душем и посмотреть результат. Возможно, кожа очистится. А если нет – намазать снова на новые три дня.

Инна решила уехать из Москвы. У журналистов был свой дом в Прибалтике, туда не пускали посторонних. Хотя зимой путевки продавали всем желающим, чтобы помещение не пустовало, а приносило доход.

Инна купила две путевки – себе и дочке. У нее была восьмилетняя дочка Настя – любимая толстая девочка с круглым смуглым личиком. Инна называла ее «Блинок» (от слова «блин»). Впереди у дочки зимние каникулы, пусть девочка подышит соснами и морем. К тому же возле Инны будет родная душа, будет о ком заботиться, кого любить. Тяжело оказаться одной в обнимку со своим горем, а так все же втроем: она, дочка и горе.

Инна приехала на поезде. Ночью не переодевалась в пижаму, осталась в свободном индийском платье. Платье – не дешевая марлевка, а из плотного хлопка с вкраплением ярких квадратов. Глядя на Инну, сразу становилось понятно, что барышня не хухры-мухры, а вполне продвинутая, модная, но не веселая. Даже можно сказать – грустная. Подавленная. Не хотелось к ней приставать. От нее не исходило зовущих сигналов. Наоборот, шел сигнал: «Отстаньте все от меня, я вас всех ненавижу, чтоб вы сдохли в страшных му-

чениях».

Дом отдыха был огромный, гулкий. Им досталась комната на седьмом этаже. Этот этаж считался престижным. Хороший вид из окна: сосны, заснеженное море.

В столовой также достался уютный столик у окошка на четыре человека. Напротив сидела молодая женщина, существенно моложе Инны, с пятилетней девочкой.

Девочка Даша – маленькая разбойница: верткая, тощенькая, дикая. Волосы – черные до синева, как у китайца. Челка до зрачка. Постоянно чем-то недовольна. Очень милая. Смешная. На нее хотелось смотреть и смотреть. Настя прозвала ее «Дикареша».

Дашина мама по имени Маша – красавица, Шамаханская царица. Рюмочная талия, высокие брови, ясное лицо. Многословие. Говорила не переставая, но ни одного пустого слова. Каждое слово – золото.

Инна была рада, что ей не надо участвовать в беседе. Достаточно только слушать. Да и слушать необязательно. Можно просто сидеть молча и думать о своем. Она смотрела на Машу, на ее глаза цвета меда, мелкие зубы, безукоризненно белые.

Ангельский голос лился не переставая. О чем Маша говорила? О чем-то умном и вполне интересном. Маша была искусствовед.

Маша – молодая, Даша – маленькая. Лицезреть молодость

и красоту гораздо приятнее, чем старость и увядание. Инна была рада, что ей достались такие соседи.

Инна сидела намазанная болтушкой. Стеснялась своего вида и запаха. Постоянно думала о Владике: почему он ее бросил и женился на грубой Васе с крестьянским лицом? Причина проста. Он был жадный. А Инна – бедная. Что она могла заработать своей журналистикой? Денег – кошкины слезы и никакой недвижимости, двушка в хрущевке и дочка с круглым личиком. Все! А у Василисы в сумке водились доллары, спрессованные в толстую пачку. Она покупала еду и одежду в валютном магазине, там другая еда и другая одежда. И можно было широко угощать и одаривать. Вылезало совсем другое качество жизни.

Откуда валюта? От иностранцев. Откуда иностранцы? Личная инициатива. Василиса была купи-продай, покупала и продавала и понимала, что под лежащий камень вода не течет.

Владик любил деньги, ничего странного. Принято считать, что женщины любят богатых мужчин. Правильно. Но и мужчины любят богатых женщин. Почему женщинам можно, а им нельзя?

Маша говорила о Чехове. О том, что настоящую биографию Чехова написал англичанин. Странно, почему англичанин, а не русский?

– А почему Чехов не женился на Лике Мизиновой? – спросила Инна. – Лика гораздо красивее, чем Книппер.

– Антон Павлович был сноб, – ответила Маша.

– В каком смысле?

– Лика – обычная, заурядная девушка. А Книппер – популярная актриса в ведущем театре. Она быстро сделала из их брака бизнес. Чехов стал акционером. Другой уровень.

Инна покачала головой. Даже Чехов купился, а что уж говорить о Владике, бедном карикатуристе.

Блинок сидела рядом с Инной и с удовольствием кушала поставленную еду. Время от времени вытирала рот о мамин рукав. Хорошо, что платье было не парадное, бросовое. Такое поведение ребенка недопустимо, но Маша не удивлялась и не делала замечаний, как бы не видела. Воспитанный человек. Инне было лень воспитывать дочку. Она ее любила и обожала – вот и все воспитание. И Блинок чувствовала материнскую любовь даже тогда, когда мамы не было рядом.

– Вы замужем? – спросила Инна.

– Да. Мой муж приедет завтра. Мы будем вместе встречать Новый год.

Инна вспомнила, что завтра тридцать первое декабря. Новый год, семейный праздник. А она – без семьи, только Блинок. Инна разошлась с мужем давно, еще до своего романа с Владиком. Почему разошлась? Трудно сказать. Причин не было. Как-то не жилось, и все. Разные звери. Удивительно не то, что они разошлись, а то, что поженились.

Завтра посреди зала поставят елку, все красиво оденутся и встретят Новый год. Инна решила, что она не пойдет на

праздник, даже не спустится в зал. Она не может надеть красивое платье из-за болтушки, а смывать рано. Должно пройти еще двое суток: тридцать первое и первое. В Новый год она останется в номере, включит телевизор, они с Блинком посидят в обнимочку и лягут спать. Чем не Новый год?

Маша в свою очередь не спросила у Инны, замужем ли она. Захочет – скажет. А если промолчит – значит, не захочет, и нечего лезть с расспросами.

Дикареша крутилась на стуле, ей надоело сидеть на одном месте. Маша разрешила ей выйти из-за стола. Дикареша кинулась пересекать столовый зал слева направо, вдоль и поперек, сшибая стулья и официантов. Замечаний ей не делали, поскольку Маша и Даша – не простые, а номенклатурные. Машин отец – большая шишка в государстве. Такие подробности утаить невозможно. При этом Маша вела себя безукоризненно, никак не обнаруживая своего превосходства.

Инна поняла: Маша всю жизнь росла в любви и в достатке. Любовь и достаток делают людей гармоничными, добрыми, адекватными. А бедность и безлюбье – озлобляют. Именно из таких вырастают приспособленцы и предатели, и уголовники в том числе.

– А где ваш муж работает? – спросила Инна.

– В почтовом ящике. Инженер.

Инна удивилась. Ей казалось, что у Маши муж – арабский шейх или принц Монако, он в то время был холостым. В крайнем случае – отечественная знаменитость, но уж никак

не инженер из почтового ящика.

– А как его зовут?

– Игорь. Гарик.

Позже Маша расскажет, что ее детство и юность прошли в южном городе. Отец Маши был хозяином края, и Машин брак с Гариком считался морганатическим, то есть неравным, поскольку Маша – дочь короля, принцесса, а Гарик – сын водопроводчика.

– Красивый? – догадалась Инна.

– Похож на осетра.

– Благородная рыба.

– Вовсе нет. Ценители рыб называют осетра «морская свинья». Грубое мясо.

– За что же вы его полюбили?

– За то, что он ТАКОЙ...

Инна поняла, что Гарик – принц-консорт, как муж королевы Елизаветы, и ему необязательно беспокоиться о деньгах.

– Моего отца перевели в Москву, мы переехали. Отец сделал нам квартиру во время Олимпиады. Это было практически невозможно, но нам дали квартиру улучшенной планировки.

– Где? – спросила Инна.

Маша назвала улицу и дом.

Инна вытаращила глаза. Она жила в том же районе. Это был хороший знак. География в дружбе – определяющий

фактор. Жить на разных концах города – это то же самое, что в разных государствах. Друзья встречаются раз в год, а потом и вовсе перестают. Жизнь разводит в конце концов. А проживание рядом людей объединяет, делает почти родственниками.

Наступило тридцать первое декабря.

Гарик приехал к обеду. Инна с Блинком сидели за столом и ели суп.

Маша встречала мужа, и они вместе вошли в зал. У Маши была немножко странная походка: она поддрагивала спиной, как будто шла по острым камешкам. Ее муж шагал легко и пружинисто, что выдавало в нем спортсмена. Одет интересно: бежевый пуловер и вокруг горла длинный бежевый шарф, концы свисали низко. Тонкокостный, с прямой спиной и высокой шеей, как артист балета. Самое слабое звено – лицо. В лице действительно было что-то от осетра.

«Могла бы и получше себе найти», – подумала Инна, но ей было все равно. Какая разница... Чужая жизнь была за гранью ее интереса.

Пара подошла к столу. Инна подняла глаза на Гарика и сказала:

– Здравствуйте...

Он смотрел на Инну и, казалось, продирался взглядом сквозь ее горе и равнодушие.

– Здравствуйте, – ответил Гарик и сразу стал симпатич-

ный, хотя оставался похожим на осетра. Но ведь и осетры бывают симпатичные.

Позже он скажет Инне, что все произошло в первую секунду. Одновременно со «здравствуйте». Он влюбился с первого взгляда. В такую вот грустную, несчастную и не особенно молодую в сравнении с женой. Маша была моложе Инны на восемь лет и красивее в восемь раз. Да что там говорить...

Инна увидела вдруг, что за столиком не хватает стула для вновь прибывшего гостя. Стол рассчитан на четырех человек, а Гарик – пятый.

Она поднялась со своего места, взяла два столовых прибора и перешла за соседний свободный столик.

Дикареша подскочила к отцу, облепила его колени. Стало видно, что они похожи – те же темно-синие волосы, низковатая макушка. Макушка у обоих располагалась чуть ниже, чем положено. Дикарь-папа и Дикареша-дочка.

Гарик остался стоять возле стола, склонив голову. Правильнее сказать: повесив голову. Его огорчил уход Инны. Хотелось компании. Хотелось, чтобы было весело. Семья – это семья. Изучена вдоль и поперек, ничего нового. А Инна с девочкой – это два новых человека, которых интересно познать и себя прокатить на новой матрице. И что-то еще, неведомое, зовущее и дразнящее.

Инна заметила эту склоненную голову, висящие руки. Маша тоже заметила, но сделала вид, что не заметила. Впереди

Новый год, семейный праздник. Семья в сборе, а это – главное. Остальное – детали. Аксессуары. Кстати, красивая жена – тоже аксессуар.

Сбор гостей был назначен на одиннадцать часов вечера. Следовало проводить старый год, а потом встретить новый. Программа на всю ночь.

Инна не собиралась праздновать Новый год, но вдруг почему-то пошла в ванную. Встала под душ, пустила горячую воду, густо намылила мочалку. Она с силой терла себя, как будто сдирала и смывала всю прошлую жизнь. Стояла в густой пене. Потом эта пена падала к ногам и уходила в дырочку стока, неведомо куда, в преисподнюю.

Инна вышла из ванной, завернулась в халат. Долго отдыхала в кресле. Тело дышало, приходило в себя. Инна превращалась из подранка в молодого зверя, полного сил, способного на полноценную охоту.

Блинок включила телевизор. Там передавали танцы народов мира.

Блинок пробовала повторять эти же ритмы. Она была кругленькая и неуклюжая, но старательная. Старалась изо всех сил и была собой довольна.

– Похоже? – спросила она у мамы.

– Как свинья на коня, – ответила Инна.

Блинок задумалась. Конь и свинья – совершенно разные животные. Как они могут быть похожи?

– А кто свинья? – уточнила Блинки.

– Конечно, они. – Инна указала в телевизионный экран.

Блинки удовлетворительно кивнула головой, однако танцевать перестала.

Инна сгребла ее в охапку. Она обожала свою дочку – милую, кругломорденькую, доверчивую. Ее ничего не стоило обмануть, убедить в чем угодно. Поэтому, именно поэтому ее надо защищать, любить и баловать.

Инна целовала своего Блинки. Вспомнила при этом, как горилла ласкала своего детеныша в сухумском питомнике. Видимо, такая вот всепоглощающая, зоологическая любовь к потомству заложена природой в человека и зверя и это и есть самая подлинная и самая долгоиграющая любовь. Она не проходит никогда.

В одиннадцать часов Инна с дочкой спустились к праздничному столу.

Маша, Гарик и Дикареша уже восседали на своем месте. Как все были наряжены! Девочки сверкали, как принцессы. Гарик в черно-белом, как пингвин. На Маше что-то элегантное, но не бросающееся в глаза. Она всегда одевалась таким образом, что ее одежда не запоминалась, не затмевала саму Машу. При этом был очевиден вкус и качество.

На Инне серое шелковое платье с глубоким вырезом. Сразу был виден французский шарм и крой. Наши модельеры не обладали таким воображением.

В России модельный бизнес расцвел позже, появились свои модельеры-звезды. Но это позже. Наступал восемьдесят шестой год, и никто не предполагал, что в ближайшем будущем Союз нерушимый разрушится в одночасье, разлетится на куски.

Красивая одежда сама по себе создает праздник. Весь зал пребывал в приподнятом настроении. Все поверили, что человек создан для счастья, как птица для полета. Некоторые философы считают, правда, что человек создан для страданий и для испытаний. Но все испытания остались дома, а здесь, на отдыхе, – никаких забот, свежий воздух, море и сосны, бутылки с шампанским, пробка в потолок.

Заиграл нехитрый оркестр.

«Сейчас он меня пригласит», – подумала Инна.

Гарик поднялся из-за стола и пригласил Инну на танец.

Маша бровью не повела. Как будто так и надо.

А может быть, так и надо? Что тут особенного?

Инна поднялась. Она была вполне молодая и вполне красивая, в расцвете лет, во французском платье.

Они с Гариком присоединились к танцующим.

Гарик положил свою большую ладонь на ее спину между лопатками. Ладонь была горячая, как утюг. Не жгла, но гре-ла.

Гарик уверенно вел в танце. Танцевал он хорошо, но не только. Чувствовался мужик.

Гарик ловко двигался, крутил Инну вправо и влево, и она

крутилась, и у нее получалось.

Вернулись к столу оживленные. Выпили шампанского. Иннахватила целый фужер, как будто жаждала.

Девчонки пили клюквенный морс.

На следующий танец Гарик пригласил Машу. Это был рок-н-ролл. Гарик и Маша стали друг против друга и пустились в пляс, выделявая сложные фигуры. Танцевали слаженно, как будто долго репетировали накануне, но при этом, Инна заметила, они танцевали не вместе, а каждый сам по себе. Маша смотрела куда-то мимо Гарика. Куда? Может быть, в свои мечты, а может, в иную явь. Была не здесь, а в другом пространстве.

Гарик выделявал кренделя и получал удовольствие от ритма, от движения и от физических нагрузок. Фигура и пластика были у него отменные, и компенсировали некрасивость лица. В нем что-то было. Чувствовался жесткий диск и несомненное обаяние.

Инна пошла танцевать с Блинком. Настя прыгала, как бегемотик. К ним присоединилась Дикареша.

Дети отдавались радости так, как отдаются только дети, – всем существом до последней клеточки. Весь мир для них.

Потянулась неделя отдыха. В режим входила обязательная прогулка по морскому побережью. Вечером после ужина – кино. В один из дней Инна не пошла на прогулку.захотелось остаться в постели и почитать. Чтение – пассивное

творчество. И если Инна не работала за письменным столом, то хотя бы читала.

Депрессия иногда накрывала ее с головой, но это уже была другая депрессия. Не такая ядовитая, не так жгла. Просто отсутствие активности и желание полного покоя.

Инна на прогулку не пошла, а Настю отправила. Маша и Гарик охотно взяли Блинка, поскольку Блинк составлял компанию их Дикареше. Девочкам вдвоем было веселее, больше общих интересов, чем со взрослыми. Инна осталась одна в номере. Взяла блокнот и стала набрасывать статью на тему «Легко ли быть простым советским человеком?». Если ты никому не известный простой советский человек, попробуй попасть в хорошую больницу, поступить в хороший институт, элементарно попасть в Большой театр. Если ты простой советский человек, тебе разрешается работать за гроши, жить в блочной хрущевке, девять метров на человека, умереть раньше времени и получить место на Митинском кладбище. Там хоронили ликвидаторов Чернобыльской АЭС, ряды ранних могил выстроились как на параде. Если ты простой советский человек, тебе разрешается иметь короткую жизнь и умереть за Родину. Это сколько угодно. Это называется «патриотизм».

За окном стало бело от снежной пурги.

«Как они там гуляют...» – забеспокоилась Инна.

В этот момент дверь распахнулась и нарисовался Гарик,

его лисья шапка и дубленка были запорошены снегом. Он снял шапку и потрянул ею. Инну обдало снежной пылью. Она вопросительно смотрела на Гарика.

– Они там в кафе зашли, – торопливо сообщил он. – Придут не раньше чем через полчаса.

Он стоял возле кровати и выжидающе смотрел на Инну.

– Вы что, хотите за полчаса все успеть? – спокойно спросила Инна.

В этом вопросе таилась насмешка и презрение. Гарик распознал и первое и второе.

Обозлился и вышел.

«Идиот», – подумала Инна. Попробовала вернуться к работе, но статья не двигалась, выветрились все социальные мысли.

Надо будет написать статью «Легко ли быть одинокой женщиной в тридцать три года...».

Почему этот осетр явился к ней как к проститутке, типа: давай-давай, только быстро. Может быть, в ее облике чего-то не хватает? Или наоборот – что-то есть?

Объяснение простое: возле нее нет мужчины. Одинокая женщина – как непришитый рукав. Каждый старается этот рукав примерить: может, подойдет? Но есть еще одно объяснение. Просто Гарик – бабник. Имея прекрасную жену, он шарит глазами по сторонам. А если шарить, то обязательно высмотришь что-нибудь, что плохо лежит.

«Козел, – подумала Инна. – Все они козлы». Полигамия

входит в мужскую сущность. Мужчинам надо осеменить как можно больше особей, чтобы оставить след после себя. И никакого романтизма. Романтику придумали люди, а природа глубоко равнодушна.

Инна не пошла обедать. Не захотела. Настя отправилась одна, деловито пообедала и захватила для мамы бутерброд с котлеткой, а сверху соленый огурчик. Завернула в бумажную салфетку. Инна посмотрела на сверточек, на Настю и поняла, что у нее есть друг. Не просто дочка, а верный человек со взрослой благородной душой. Значит, Инна не одинока. Нет. Не одинока.

Инна свесила ноги и стала есть бутерброд. Настя смотрела на то, как мама ест, и испытывала тщеславие. Это был ее удавшийся проект.

За окном мела пурга, а в номере было тепло и защищено. И очень вкусно. Их собственный маленький мир.

Кино показывали в основном американское. Боевики. Полное барахло. В советской кинематографии много барахла, но если сравнить наш плохой фильм и американский – сравнение будет в нашу пользу.

Вся компания сидела в кинозале, уставившись в экран. Девочкам кино нравилось. Герой дрался ногами, как руками. Это приводило их в восторг.

Гарик сидел между Машей и Инной. Инна – слева, Маша – справа.

Кино – вполне бессмысленное и предсказуемое. Было очевидно, что главный герой всех победит и освободит любимую женщину.

Гарик накрыл своей ладонью руку Инны. Сделал это как бы между прочим, как бы ничего не происходит. Просто переложил руку со своего колена на колено Инны, где покоилась ее рука. Инна вытащила руку из-под его пальцев. Сделала это тихо, чтобы не привлечь внимания Маши. Не хватало, чтобы Маша заметила.

Гарик посидел какое-то время, глядя на экран, и вернул свою руку в прежнее положение: обнял пальцами ладонь Инны. Инна оставила все как есть. Покорилась. Не драться же с ним.

Так и сидели – рука в руке. Из его ладони струились токи. Инна чувствовала, как в ней все постепенно раскрывается навстречу его мужской силе.

Большинство мужчин, которых Инна встречала на своем пути, были «не по этому делу». Гарик – редкое исключение. Этим объяснялось, что он, будучи голоштаным инженером с лицом осетра, взял в жены красавицу из богатой семьи. А она – повелась. Влюбилась, должно быть. Можно понять.

Кино кончилось. Зажегся свет. Инна подхватила Настю и постаралась поскорее смыться. Ей было неудобно перед Машей. Хотя в чем ее вина? Что она могла сделать? Громко одернуть Гарика и тем самым поставить весь зал в известность, что Гарик – бабник, а Маша – жена бабника?

Инна ушла торопясь. Было похоже, что она сбежала.

Прошло две недели.

Гарик больше не приставал и не лез напролом, был тих и слегка трагичен. Его это украшало.

Инна с Машей подолгу гуляли, привыкали друг к другу. Вели откровенные беседы. Маша поведала о том, что Гарик практически не зарабатывает, его зарплаты хватает только на его карманные расходы. Семью кормит отец Маши, и это недопустимо. Отец Маши презирает Гарика, Маша разрывается между отцом и мужем. Атмосфера унижительная. Гарик не хочет напрягаться, он хочет только играть на гитаре и сочинять свои песни одна хуже другой. Он знает, что голодать семье не дадут, а финансовые оттенки его не волнуют. Устроился сыночком.

– А ты не хочешь его поменять? – спросила Инна.

Маша долго молчала. Потом сказала:

– Мне нравится один человек, но с ним каши не сваришь.

– Женатый? – догадалась Инна.

– Вроде того. Он колеблется, как маятник Фуко.

– Давно?

– Два года.

– Это плохо. Так и будет: перпетуум-мобиле. Вечный двигатель. А потом соскочит.

Инна рассказала свою историю и с удивлением заметила, что ей нетрудно рассказывать. Как будто это чужая история.

Боль притупилась. Кожа очистилась.

Поездка пошла на пользу.

Маша умела слушать. Это была светлая, прозрачная, чистая душа, и становилось странно, что даже такие красивые, совершенные люди сталкиваются с грубостью жизни.

Отдых подошел к концу.

Всей компанией вернулись в Москву. Поезд прибыл утром.

В этот же день Гарик подъехал к Инне домой и пригласил ее на базар. Это было очень кстати. Холодильник пуст, а машины у Инны нет. А без машины много ли унесешь?

Отправились на базар. Гарик умел выбирать мясо и овощи. Видимо, эта хозяйственная функция лежала на нем. Инна замечательно запаслась всем, что необходимо. Гарик дернулся заплатить. Инна не позволила. Она не хотела залезать в Машин карман. Еще чего не хватало... Гарик отнес сумки в машину. Можно было возвращаться.

Неожиданно Гарик исчез. «За цветами пошел», – предположила Инна.

Гарик вернулся с букетом астр – желтых и белых, похожих на собачьи морды. Инна любила астры больше, чем розы, потому что они долго стояли. А розы вяли на другой день. К тому же Инна обожала это ромашковое сочетание цветов: желтое с белым. Как Гарик догадался? Никак. Просто почувствовал.

Букет был большой, радостный. Он как будто улыбался, соглашаясь, что человек создан для счастья, Горький был совершенно прав.

В городе Гарик смотрелся лучше, чем на отдыхе, не такой настырный, заботливый, серьезный.

Он вручил цветы Инне. Инна приняла. Не стала отмахиваться. В конце концов, он – мужчина, а она – женщина. Жест уважения, не более того.

Они поехали обратно. Гарик молчал, слегка трагически. Хотелось спросить: что с тобой? Но зачем спрашивать? Инна и так понимала – что с ним. Она ему нравилась, и спрашивать – значит провоцировать, нарываться.

Странно, что Гарик влюбился в нее, менее молодую, менее красивую, чем жена, и вдобавок с разграбленной душой. Что он в ней нашел? Но неисповедимы пути Господни, особенно путь от сердца к сердцу.

А с другой стороны – почему странно? Инна тоже себя не на помойке нашла. Ведущая журналистка большой газеты, золотое перо, есть о чем поговорить – и не только...

Интерес Гарика оказался нужен и не нужен. Инна была ранена и нуждалась в любви, не важно чьей. Какая разница, кто прольет бальзам на раны? Но все-таки разница. Маша стала подругой и была душевно необходима, а играть двойную игру – не в ее натуре. Если бы Инна работала в разведке, как Штирлиц, обязательно бы провалилась, и очень скоро.

Отдых кончился. Начались будни, которые Инна любила больше, чем отдых. Она плохо переносила ничегонеделание.

Инна боялась встретить Владика в коридорах редакции. И все же встретила. И ничего. Земля не треснула под ногами, пол не обвалился. Владик приветливо улыбался, будто ничего не случилось. А может, и не случилось. У него. Он был женат, сексуально обеспечен и вполне себе счастлив. Каждый вечер ложился с опытной женщиной, она ему говорила: «Не напрягайся, я все сделаю сама».

Инна приостановилась. Молчала. Ждала, что скажет он. Владик произнес какие-то ничего не значащие слова типа: «Ну как ты поживаешь?»

Инна не поживала. Она зависла между нулем и минусом, кое-как цеплялась за жизнь. Но смешно ждать от него сочувствия.

В конце коридора возникла крупная бабища средних лет. Скорее всего, уборщица.

– Это твоя жена? – спросила Инна.

Владик обернулся.

– Не-ет, – прогудел он.

– Я пойду, пожалуй, – сказала Инна. – А то твоя появится, даст по шее...

Инна явно упрощала его выбор – и тем самым унижала его самого. Значит, страдает. Значит, ей не все равно. Значит, зло берет, кишки дерет. А было бы все равно – улыбнулась доброжелательно и – мимо.

Инна повернулась и ушла. У нее были дела в редакции. Но какая боль в душе, какое недоумение... Как могло случиться ТАКОЕ? Предательство всегда внезапно, как война без предупреждения.

Инна вышла на улицу.

Под ногами – каша, в душе – пустота. Безвременье. Хорошо бы вот такие пустые дни, недели, месяцы изымать из жизни и класть на сберкнижку, как деньги. Складывать пустое время. Набирались бы годы. А потом, впоследствии, когда жизнь наладится, придет счастье или просто старость, когда дорог каждый день, – вот тогда снять с книжки эти потерянные дни и проживать их со вкусом и наслаждением.

Маша тоже переживала безвременье. Она понимала, что может сесть между двумя стульями, и принималась налаживать то, что есть. А именно – Гарика. Надо было немного: заставить его зарабатывать.

Инна часто заходила к ним, ощущала потребность в общении. Дикареша вылетала навстречу и замирала. Начинался маленький театр.

– Кто это? – с удивлением спрашивала Инна, указывая на Дикарешу.

– Где? – притворно не понимала Маша.

– Да вот. Девочка какая-то... Откуда она взялась?

– Понятия не имею. Может быть, в окно влетела...

– А вы ее не обижаете? Не бьете? Даете покушать?

– Да вот... Не знаем даже, что с ней делать. А вам не надо, случайно?

– Если недорого, то я возьму...

Дикареша была счастлива от такого количества внимания.

А Настя тихо ревновала и жалась к Инне.

– Мама, а про меня поговорите тоже, – просила Настя.

– А это кто? – переключалась Маша.

– На дороге нашла, – отзывалась Инна.

– Давай меняться, – предлагала Маша.

Дикареша пугалась. Она была еще маленькая и верила, что ее могут обменять на чужую девочку.

Инна чувствовала, что ей рады, особенно Гарик.

Гарик брал гитару и пел. Голос был небольшой, но мягкий. Гарик пел свои песни, неплохие. Было очевидно, что Гарик гуманитарий и инженерная работа стояла у него поперек горла. Он был не на своем месте. А какое место – его? Он этого не знал. И никто не знал.

Время от времени Инна находила ему денежную работу, но Гарик каждый раз отклонял предложение.

– В редакции нужен шофер грузовика, – сообщала Инна, – рабочий день не нормирован, зарплата как у профессора.

– Значит, я буду пахать с утра до ночи? – догадался Гарик.

– Большие деньги даром не дают.

– А жить когда? – интересовался Гарик.

– В Америке все работают с утра до ночи.

– Ну вот пусть они и работают, – разрешал Гарик и брал

на гитаре аккорд.

– А твою семью будет кормить мой отец? – интересовалась Маша.

Гарик брал новый аккорд.

– А я буду краснеть за тебя...

Маша не повышала голоса. Просто объясняла Гарику недопустимое положение в их семье.

Гарик делал вид, что не слышит. Он был принц-консорт, а это значит: никаких обязательств, никаких усилий, одни удовольствия. Он знал, что семья голодать не будет. Отец Маши – молодой еще, пятидесятилетний лось. До девяноста доживет как минимум. Значит, еще сорок лет семья будет в шоколаде. А он, Гарик, как шмель станет летать над цветущим лугом жизни, садиться на один цветок, потом на другой и при этом аккомпанировать себе на гитаре.

Может быть, Гарик родился не там и не тогда. Время и место. Если бы он родился, скажем, в США, работал бы на припевках и подтанцовках у Мадонны – был бы богатым человеком и его любовницей стала бы уникальная Мадонна, а не Инна Рогожкина, одна из многих.

Маша спросила у Насти:

– Ты голодная?

– Я люблю есть, – созналась Настя.

Это было заметно по ее тугим щечкам. Инна время от времени не выдерживала и целовала эти щечки. Когда они с Блинком попадали в чужое пространство, их любовь

обострялась. Любовь накрывала их как куполом, защищала.

Гарик тем временем пел песни из современного репертуара.

Какой бы застой ни стоял на дворе, искусства процветали. И песни были превосходные. Плохие песни тоже имели место быть, но они не приживались. Быстро лопались, как пузыри. А хорошие песни сразу превращались в шлягеры и звучали изо всех окон.

Инна слушала и смотрела на Гарика. Гарик пел и в этот момент становился сексуальным. Его хотелось.

Инна понимала его истинную цену. Цена была невысока: бабник и захребетник. Но он манил. Его мужская радиация наполняла комнату от пола до потолка. Хотелось открыть форточку. Было трудно дышать.

Инна предчувствовала, что когда-то ЭТО произойдет.
И ЭТО произошло.

Началось с пустяка: Гарик поцеловал ее в машине. Все-го-то ничего. Но плотину прорвало.

Никогда в своей жизни Инна не испытывала такого чувственного наслаждения и даже не представляла, что ТАК бывает.

Гарик – талантливейший любовник. Буквально, Паганини со скрипкой. Гарик – Паганини, а Инна – скрипка. На ней никто и никогда ТАК не играл, и она не отзывалась ТАК.

Казалось бы, что нового в таком нехитром деле? Однако

талант – это всегда новое.

Инна и Гарик подсели на секс, как на иглу.

Гарик сбегал с работы и заявлялся к Инне в первой половине дня, когда Настя была еще в школе. У них было часа два. Любовники набрасывались друг на друга, как хищники. Едва успевали добраться до дивана.

Случалось, Гарик приходил на ночь. Он что-то ловко врал Маше и оставался с Инной до утра, до тех пор пока Настя еще не проснулась.

Они никуда не торопились, пили чай с вареньем из лесных ягод. Выходили на балкон, смотрели на небо. Впереди была самая длинная ночь.

После страсти они проваливались в нежность и плыли в ней, как в невесомости. И засыпали рядом, и видели один и тот же сон, поскольку были ОДНО.

Утром он уходил. Инна провожала его до лифта. Возле лифта стояли долго, как будто он уходил на войну. Не хотелось расставаться.

Первое время Инна боялась, что не сможет встретиться с Машей, посмотреть ей в глаза. Как это возможно?

Но оказалось – возможно. Они вместе ходили в театр на интересные премьеры. Инне не было стыдно. Ее не мучили угрызения совести. Она по-прежнему любила Машу, восхищалась ею. Гарик – это одно, а Маша – совершенно другое. Чувства к Гарику и Маше были разные и не смешивались,

как жидкости с разным удельным весом.

Инна не собиралась разрушать их семью, не собиралась выдирать Гарика в личное пользование.

Отношения Маши и Гарика не менялись. Они ссорились раньше и продолжали ссориться теперь. Семья переживала кризис.

Маша любила, когда Инна появлялась в их доме. Она приносила с собой радость и здравый смысл.

Однажды все вместе отправились на прогулку в Воронцовский парк. Подошли к пруду. На берегу стоял могучий дуб, с него свисала «тарзанка» – толстая веревка, к которой крепилась перекладина.

Гарик ухватился руками за перекладину, разбежался, оттолкнулся ногами от земли, и «тарзанка» понесла его вперед и вверх, как дикаря в джунглях. Ветер отдувал волосы со лба.

Дикареша испугалась и закричала:

– Папа, куда же ты?

Гарик не слышал. Улетал в неведомое.

– Нужна ты ему... – тихо заметила Маша.

Гарик обожал свою дочь, но ему действительно никто не был нужен в этом отрезке жизни. Только небо, свобода и бесконтрольность. Куда хочу, туда лечу.

Инна опубликовала в газете материал, который признали лучшим. Статья была острой, на грани дозволенности, и даже с перехлестом.

Инну пригласил главный редактор. Это был влиятельный образованный человек. «Гейне» он произносил «Хайне», поскольку знал немецкий. Название реки Рейн он произносил «Райн». Его никто не понимал: какой Хайне, какой Райн? Приходилось объяснять.

Лицо у главного было неприятным. Обмылок. Но от него в газете зависело все. И не только в газете.

Инна вошла в кабинет.

Главный ковырялся в каких-то бумагах. Поднял голову:

– Я хотел предложить вам тему: конфликт хорошего с лучшим.

– Это как? – не поняла Инна.

– Это значит: мастер цеха, например, – хороший мастер. У него конфликт с инженером, который тоже хороший инженер.

– И в чем конфликт?

– Вы сами придумаете.

– Конфликт может быть между плюсом и минусом. А между плюсом и плюсом конфликта не бывает.

Главный оторвался от своих бумаг.

– Я не говорю, что это просто, – сказал он. – Поэтому я обращаюсь к продвинутым журналистам. Подумайте.

– Давайте так. Я буду писать то, что мне хочется. И вам показывать. Вы отберете то, что вам подходит. А по заказу я не пишу.

– Очень плохо, – спокойно прокомментировал главный. –

Профессионал должен уметь все, и по заказу тоже. Моцарт свой «Реквием» написал по заказу, и это гораздо лучше, чем «Турецкий марш».

Инна промолчала. Она понимала, что главный выслушивается перед властью и хочет сделать это ее руками.

Главный – умный, образованный, а живет как червь, гнется где угодно. Инна могла гнуться только в суставах.

– Я буду ждать, – сказал главный.

Инна попрощалась и вышла из кабинета. Вернулась к себе в отдел.

Коллеги решали: кому бежать в гастроном за водкой и закуской. Послали младшего редактора Витальку Михалева. Он исполнял роль мальчика на побегушках.

Журналисты активно работали в первую половину дня, а в два часа, в обеденное время, начинали пить и уже не прекращали.

Пила вся страна, все слои общества: рабочие, крестьяне и прослойка.

Виталька вернулся, принес жизненно необходимое: водка, колбаса, батон.

– Будешь? – спросили у Инны.

Она не пила водку, ей было невкусно. Можно сказать, отвратительно. Но тут вдруг согласилась и выпила залпом треть стакана.

Было противно и непонятно, что вызывало отвращение: водка или ее криминальный роман с Гариком...

Как она могла опуститься до двойной игры? Штирлиц рядом с ней – мальчик.

Журналисты хмелели, шумели. Инна смотрела на них из своего угла: частично дети, частично козлы.

Газета иногда выезжала в другие города на встречу с читателями. Набивались полные залы. Полные с верхом.

Журналисты сидели на сцене за длинным столом. Выступали по очереди, выходя на край сцены. Любо-дорого смотреть и слушать. Говорили умно, блестяще. Рыли глубоко, бесстрашно. Это была настоящая вторая власть. Прорыв в правду.

Зал не просто слушал – внимал. Все чего-то ждали. Виктор Цой уже пел своим медным голосом: «Мы ждем перемен».

Близились перестройка, хотя такого слова никто еще не знал.

Инна тоже ездила с газетой, но на сцену не поднималась. Не любила быть на виду. Стеснялась. Просто смотрела из зала и гордилась своими друзьями. А сейчас эти друзья сгрудились вокруг стола, как работяги в пивной, пьянь и рвань. Но она прощала, потому что знала другую их сторону. Они вращались вокруг Инны разными своими сторонами. Человек не может быть постоянно значительным. А вот постоянно мелким – может. Почему? Потому что в мелком нет глубины.

Прошло полгода. Наступил июнь, молодое лето.

Роман продолжался и даже набирал обороты.

Инна и Гарик устали прятаться. Решили поехать к морю. И поехали. Вернее, полетели. В Сочи.

Планировали остановиться в гостинице, но мест не оказалось. Сезон.

Инна стала уговаривать администраторшу – ушлую тетку среднего возраста, крашеную блондинку. Инна показывала ей свое удостоверение журналиста, слегка запугивала. С журналистами связываться не любят, мало ли, но тетка оказалась морозоустойчивая. Ничего не боялась и взятку не брала. А может, действительно не было мест.

Инна отошла ни с чем.

Гарик куда-то запропастился. Его не было рядом, не было и в отдалении.

Инна прошла по длинному первому этажу. Наткнулась на стол для пинг-понга. Вокруг него ловко скакали два игрока. Одним из них был Гарик. Он умело отражал ракеткой удары, и пластмассовый белый шарик летал над столом, не упав ни разу.

Инна застыла. Что сие означает? Значит, пока она выбивала места, напрягалась, унижалась, нервничала, Гарик нашел себе развлечение. Какой смысл напрягаться двоим? Пусть это делает Инна. У нее лучше получается. Он мог бы остаться рядом и тем самым молчаливо поддерживать. Это их об-

щая проблема. Но нет. Гарик привык быть сыночком, привык ехать на чужом хребте. Его жизнь складывалась удачно в этом смысле. Сначала он логично ехал на хребте родителей, потом пересел на шею Машиного отца. Отцу это не нравилось, но делать нечего. Не заставишь ведь голодать родную дочь и любимую внучку.

Было похоже, что следующая шея будет ее.

Инна окликнула Гарика. Он обернулся. На его лице отразилось разочарование. Игра была не закончена, хотелось довести до конца.

Глаза Инны стали свирепыми. Гарик нехотя подчинился. Положил ракетку.

Устроились в санаторий «Шахтер».

Инна надеялась, что в этом профсоюзном санатории они не встретят общих знакомых, так как в ее кругу шахтеры не водились. Не хватало напороться на мину. Если Маше станет известна их связь, то последствия непредсказуемы. Какие могут быть последствия от землетрясения? Сплошные руины, травмы, несовместимые с жизнью. Лучше не думать. Машин отец позвонит главному редактору. Инна вылетит из газеты, и придется перебиваться случайными заработками с хлеба на квас. А Блинок так любит кушать...

Санаторий «Шахтер» оказался вполне комфортным по советским временам. Никакого вкуса, зато много простран-

ства. Столовая – как Курский вокзал.

Гарик первым делом нарядился и побежал осваивать территорию. Ему не терпелось людей посмотреть, и себя показать, и поискать бильярдный стол, волейбольную площадку – все относящееся к спорту и движению. Это была его среда обитания. Гарик любил двигаться, играть и выигрывать, особенно на виду у всех. Должны быть зрители и аплодисменты. Это свойственно людям, неуверенным в себе. Самодостаточному человеку аплодисменты необязательны. Еще он любил и умел одеваться. Видимо, считал, что некрасивость лица следует компенсировать элегантностью. У него это получалось.

Главная его компенсация – сексуальный талант, но сие – дело тайное, зрители и аплодисменты исключены.

К обеду Инна и Гарик спустились в столовую. За их столом сидела супружеская пара среднего возраста.

– Это моя жена, – представил Гарик.

Мужчина кивнул головой и протянул руку.

– Иван Иванович, – назвался он.

– Оля, – сказала женщина и посмотрела на Инну с нескрываемым удивлением.

Инна уловила это удивление. Подумала: Гарик моложе на пять лет и, наверное, это заметно.

Ужинали молча.

Было очевидно, что соседи по столу – люди интеллигент-

ные, не шахтеры. Впоследствии выяснилось: адвокаты, работают в Кисловодске. Иван Иванович – ведущий адвокат города.

Еще было заметно: муж и жена – две половины, спаянные в одно целое. Это было видно по тому, как Иван Иванович подвигает Ольге хлеб, как смотрит на нее и как она спокойна и уверена в себе рядом с ним. Его локоть и плечо рядом с ее плечом – вот что ей важно. А все остальное не имеет значения.

Инна думала с горечью: откуда берутся такие верные, прочные пары? Почему ей не досталось такого спутника? И от чего это зависит?

Наверное, от установки. Иван Иванович женился на Ольге раз и навсегда и не шарил глазами по сторонам. Если шарить, то обязательно что-то нароешь, и почему бы не стащить то, что плохо лежит.

Все зависит от установки мужчины. И женщины, само собой. А от чего зависит установка? От воспитания, от семьи, в которой вырос, и от судьбы. Инне попадались слабые мужчины. Почему? Потому что она сама была сильная. А сильные женщины не нужны сильным мужчинам.

Что же делать? Становиться слабой? А кто будет кормить дочку и старуху-мать?

Мать Инны не была старухой. Она была законопослушной учительницей, невезучей в любви. Женская карма ей досталась бросовая, провальная, с дырками. Видимо, карма передается по наследству. Можно в это не верить, но жизнь за-

ставляет. Бабка была одинока и мать одинока. А вот теперь Инна, если не считать Гарика. Но Гарик чужой муж – раз. И пустая колода – два. Без козырей.

Какие у него козыри? Маша и Дикареша.

Санаторий имел собственный пляж, даже два: обычный и дикий.

Дикий пляж был огорожен сплошным забором, там купались и загорали нагишом. Он предназначался только для женщин.

Какое счастье входить в море голой! Это совершенно другое ощущение, чем в купальнике. Единство человека и воды. Человек вышел из океана, поэтому кровь напоминает вкусом морскую воду. Человек и вода – совпадают. А человек и огонь – противоречат. Плавать приятно, а гореть – нет.

Инна ходила на дикий пляж с Ольгой. Вместе загорали, плавали, болтали о том о сем.

Инна стояла голая, как Ева в райском саду. И вокруг все голые. И от этого обилия наготы она не замечалась. Замечается то, что пытаются спрятать. Например, хочется заглянуть в глубокое декольте. А когда все открыто, лишено тайны – какой может быть интерес? Просто стоит гомо сапиенс, гениально собранный природой.

Общее впечатление – как в бане. Или как очередь в газовую камеру. Там тоже никто никого не рассматривал.

Ольга рассказывала случаи из ее адвокатской практики. В основном бытовуха. Но был один случай, который показался Инне интересным для журналистского расследования.

История такова: аэропорт Минеральные Воды. Буфет. Очередь. В очереди – дети разных народов. В Кисловодске живут греки, армяне, украинцы, мусульманский Кавказ, русские, татары, казахи.

Буфетчица – милостивая хохлушка, отпускает нехитрый товар, обслуживает пассажиров.

Подошла очередь молодого чеченца.

– Мне курицу, – просит он. – Только не режьте ножом. Разломайте руками.

– Почему? – не понимает буфетчица.

– Вы этим ножом режете свиную колбасу.

– И что?

– Нам это нельзя. Разломайте руками. Вам что, трудно?

Буфетчица пожимает плечом, дескать, нет, не трудно. Ломает курицу руками на четыре части, кладет в пакет.

Чеченец уходит в зал ожидания.

Следующий в очереди – рыжий пьяный хохол.

– Сало, – говорит он.

– Сколько?

– Четыре пальца. – Хохол показывает ладонь.

Буфетчица отрезает ножом внушительный кусок сала. Хохол забирает покупку и идет на свое место. По дороге он сворачивает в сторону чеченца и, проходя мимо, проводит са-

лом по его губам крепко, с нажимом.

Дальше все происходит в несколько секунд. Чеченец клонится в сторону, выхватывает из сапога нож, а в следующее мгновение голова хохла катится по кафелю, как футбольный мяч.

– Ужас... – ахнула Инна. – Это какой же остроты нож. Какая сила удара...

– Я его защищала на суде, – сказала Ольга.

– Чеченца?

– Ну конечно. Я добивалась оправдания, ему дали ниже низшего предела.

– Жалко пьяного дурака. Его казнили на глазах у толпы, – сказала Инна.

– Что посеешь, то пожнешь...

– А нельзя сделать скидку на то, что он дурак?

– Такого закона нет. Стало на дурака меньше.

– А вам его не жалко? – спросила Инна.

– Жалко.

Оскорбление веры... Инна задумалась: стоит об этом писать или лучше не трогать? Вера – это код человека. Кто кодировал – знать не дано. Все это глубоко, таинственно и необъяснимо.

Вошли в воду. Море успело прогреться до двадцати шести градусов.

– Заметно, что Гарик моложе, чем я? – спросила Инна.

– Нет. Заметно другое. Разница в мировосприятии. Он –

зависим, а ты – свободна.

– В каком смысле?

– Во всех. Смотришь и видишь: стоит свободный человек.

Инна поплыла вперед, потом перевернулась на спину. Смотрела в небо. Думала: человек все равно зависит – от здоровья, от денег, от любви. Независимость может быть только на том свете, когда у тебя нет плоти, одна душа.

Инна заплыла далеко. Зависла между небом и землей. Сверху купол неба, внизу вогнутый купол моря. Счастье...

Гарик не загорал и не плавал. У него была аллергия на солнце. Он выходил на общий пляж в рубаше и целыми днями до обеда резался в пинг-понг.

Инна никогда не видела, чтобы он читал, например. Лучше всего Гарику удавалось безделье. Он бездельничал со вкусом и удовольствием. Инна иногда думала, что его время – это заря человечества, когда мужчина гонялся за зверем в набедренной повязке и с пикой в руке. А вечером плясал вокруг костра. А ночью активно размножался.

Инна не могла долго ничего не делать. Она постоянно обдумывала свои статьи, искала новые темы. И после двенадцати часов, когда солнце начинало шпарить, как беспредельщик, уходила в номер и садилась за письменный стол.

Это были хорошие минуты. Интеллектуальная деятельность доставляет большое удовольствие, наряду с другими удовольствиями. Интересно погрузиться в размышления и

пребывать там, прячась от реальности. А потом вернуться в реальность и увидеть: как хорошо вокруг. И сказать себе словами Чехова: «Милости бог послал». А перед глазами готовая статья, как лукошко с малиной. День прошел не зря.

По вечерам пили молодое вино, смотрели, как садится в море утомленное солнце. И ждали главного часа: уйти в номер и остаться вдвоем. Он и она. Близость была желанна и не надоедала. Как еда и вода.

Однажды Гарик, обняв Инну, проговорил задумчиво:

– Если Машин отец узнает, он придет и выгонит меня из дома. – Помолчал и добавил: – Камни будут падать с неба, я все равно к тебе пойду...

Инна подумала: камни падают не с неба, а с горы. Это называется «камнепад».

– Не узнает, – сказала Инна.

Но она ошиблась. Отец узнал.

Гарика и Инну где-то засекли, может быть на сочинском базаре. Засекли и доложили. Шила в мешке не утаишь. Тайное стало явным.

Гарик вернулся в Москву и, ни о чем не подозревая, отправился к семье на дачу. Дача принадлежала Машиному отцу, а значит, и Маше. Гарик был примак – так в народе называют мужей, которых берут в дом на все готовое, – и не имел отношения к собственности тестя.

Гарик вошел в калитку и бодрым шагом направился к до-

му.

Мать Маши, то есть теща, тихая интеллигентная женщина, поливала розовые кусты. Она развела на даче целую оранжерею. У нее были розы всех цветов: красные, желтые, белые и даже черные. Увидев зятя, она медленно к нему направилась. Поставила лейку на землю и проговорила:

– Гарик, мы приняли тебя в семью, как сына. А ты? Вот как ты нам ответил. Ты опозорил нашу дочь. Честь моего мужа поругана. Он попросил передать тебе, чтобы ты больше к нам не приходил. Забудь эту дорогу. Мы никогда не хотим тебя видеть.

Она подняла с земли лейку и пошла обратно к розовым кустам.

Гарик стоял в растерянности. Не каждый день услышишь такое. Его прошлая жизнь тонула, как «Титаник».

Маша сидела в беседке и смотрела издалека.

– Гарик! – позвала Маша. – Поди сюда!

Гарик подошел к беседке.

– Сядь! – велела Маша.

Он сел на деревянную лавку.

– И каков теперь твой статус? – спокойно спросила Маша. – Мальчик при примадонне?

Он молчал.

– Какой же ты дурак! – удивилась Маша.

Гарик смотрел в землю. А что тут скажешь...

Он поднялся и пошел к калитке.

Из дома выскочила Дикареша. Увидела спину уходящего отца. Закричала:

– Папа! Папа!

Гарик не остановился. Может быть, не услышал.

Инна вошла в свою квартиру. Настя и ее бабушка (баба Валя) обедали на кухне. Настя увидела Инну и вздрогнула всем телом. Это был шок счастья.

Баба Валя тоже засветилась, как хрустальная люстра. Инна была стержнем семьи, как говорила баба Валя: «главарь семьи». Как ствол у дерева – промежуточное звено между корнями и ветками. Без нее как-то все не работало, не грело и не горело, как будто выключили тепло и свет.

Инна привезла крупную черешню, раннюю клубнику, особый сыр сулугуни, помидоры, пахнущие помидорами, с кулак величиной.

Жизнь зажглась и засверкала.

К ее коленям подошла Настя и спросила:

– А если бы я родилась у тети Ани и была ее дочка?

Тетя Аня – соседка по лестничной площадке – черная, носатая и крикливая, как итальянка. У Блинка в глазах стоял ужас от такой перспективы.

– И что? – не поняла Инна.

– Ты бы вышла выносить мусорное ведро, и мы бы с тобой встретились.

– Предположим...

– Ты бы на меня посмотрела?

– Я бы тебя украла и спрятала. И ты стала бы моя.

Блинок глубоко кивнула головой. Такой ответ ее устраивал. Не существовало ничего на этом свете, что могло бы их разлучить.

Вечером позвонил Гарик. Попросил Инну спуститься вниз.

Инна вышла. Села к нему в машину. Гарик все рассказал. В конце добавил:

– Жаль, что у меня нет драгоценностей.

– Каких драгоценностей? – не поняла Инна.

– Бриллианта в сто карат, величиной с грецкий орех. Я бы отдал его теще. Заплатил бы за все. Рассчитался.

Гарика мучило то, что он остался должен. Инна молчала. Было такое чувство, будто ее накрыло снежной лавиной – ни вдохнуть, ни пошевелиться. Впереди мучительный конец. Волосы шевелятся от ужаса.

Это был конец всему. Во-первых, конец дружбе с Машей. У нее больше не будет Маши. Гарика она получит в полном объеме, но он не нужен ей в полном объеме. Гарик – что-то вроде праздничного салюта, расцвел в небе и растворился. Ей же не нужен салют с утра до вечера, грохот над головой.

В результате вместо салюта получился коктейль Молотова – бутылка с горючей смесью, от которой горят дома.

Не говоря об отце Маши. Он может растоптать Инну, как

жука. Наступил – и нет.

Необходимо вернуть Гарика на место. Но как?

– Что ты решил? – спросила Инна.

– Это я должен у тебя спросить. Что ты решила?

Гарик ждал предложения руки и сердца. Это было бы логично. Сказав «а», надо сказать «б».

Но Инна молчала, глядя перед собой. Выражение ее лица было тупым, как у бизона.

На ее плечах сидели дочка и мама. Оба плеча заняты. Куда сажать Гарика? На голову? Какой смысл играть в заранее проигранную игру?

Инна молчала, глядя перед собой. Гарик ждал. Потом сказал:

– Ну ладно, я поеду...

– Куда? – спросила Инна.

– К Вовчику. У него переночую.

Кто такой Вовчик, Инна не знала. У них не было общих знакомых.

– Ты голодный? – спросила Инна.

– У Вовчика поем.

Прошло полгода.

Гарик в семью не вернулся, а скорее всего, его не взяли.

Он поселился на даче у Вовчика. Ездил на работу, возвращался обратно, ел всухомятку. Деревянный финский домик утопал в снегах, поселок пуст, собачий вой, темень.

Инна приезжала на выходные, готовила Гарику на неделю. Она была плотно привязана к Москве – работа, ребенок. На Гарика оставались только уик-энды и праздники.

Отец Маши не мстил. Не опустился до разборок. Это был благородный человек высокого класса. «Его превосходительство». Он выделялся даже среди номенклатурного поголовья. Интересно, о чем он думал в сложившейся семейной ситуации? Может быть, удивлялся: каким это образом его малоуважаемый зять сумел увлечь такую неглупую женщину, как Инна Рогожкина? Либо второй вариант: зачем Гарик поменял шило на мыло? Маша была, несомненно, моложе и красивее, чем эта журналистка.

Инне было стыдно перед отцом Маши. Хотелось войти к нему в кабинет и встать на колени. Если бы можно было вернуться обратно в точку невозврата... Когда это случилось? Когда они впервые поцеловались в машине. Не надо было целоваться.

А кто виноват? Владик. Он бросил ее, унизил. Понадобилась компенсация, хоть какая-нибудь. Инна была ранена, подранок. Если бы не это – устояла бы.

Можно обвинить и Гарика. В конце концов, кто такая Инна в жизни Маши? Случайно встреченный человек. А Гарик – муж, взявший ответственность за жизнь своей семьи. С него и спрос. Но, как ни крути, змея есть змея, и нечего прикидываться шлангом.

Инна пыталась помочь Гарику, находила денежную работу, но Гарик по-прежнему уклонялся. Он любил свободу, любовь, пинг-понг, гитару, сладкую праздность. А ему предлагали участь лошади или осла, и вся жизнь – одна дорога, уходящая вдаль.

Нелюбимая работа тягостна, а любимой работы у него нет. Гарик создан для того, чтобы продвигать и воспевать радости жизни. Такие тоже нужны в природе.

Маша хотела сломать эту ситуацию, но у нее ничего не вышло. И у Инны не выйдет. Это все равно что заставить собаку летать по небу или заставить птицу сторожить двор.

По вечерам смотрели телевизор, лежа на диване.

Гарик осторожно касался пальцами своей ноги ее стопы. Минимальная, чуть заметная близость, но сколько нежности, родства. Они сроднились за прошедшие полгода, стали чем-то единым, и такого точечного прикосновения было достаточно, чтобы душа переполнялась нежностью и смыслом. Главное, душа не была пустой.

По телевизору передавали концерт. Алла Пугачева пела: «Ты покинул берег свой родной, а к другому так и не пристал».

– Это про меня, – сказал Гарик.

Инна притихла. Она не хотела говорить на эту тему. А главное, не знала что сказать.

Настала зима. Выпал снег. Красиво.

В Машинной жизни произошли перемены. Ее возлюбленный частично к ней переехал, но оставался женатым на своей жене. Продолжал быть маятником.

Путь Гарика в свой дом был отрезан. Инна ни на что не решалась. Гарик завис в неопределенности и не понимал, сколько это будет продолжаться и каков его статус. Быть «мальчиком при примадонне» он не хотел, а быть мужем ему никто не предлагал.

Муж в понимании Инны – это тот мужчина, которого любишь тремя этажами: верхним, средним и нижним. Голова, сердце и вагина, которую природа разместила в подвале.

В случае с Гариком полноценным являлся только нижний этаж с подвалом. А именно – страсть. Но страсть проходит, и если верхние этажи пусты, то ничего и не остается. Дом стоит пустой, и по нему гуляют сквозняки и хлопают ставни.

Инна все понимала, но отказаться от Гарика, его дыхания, его тепла, его запаха было трудно. Практически невозможно.

А зима была красивая. Снежная. Окна спальни выходили в белые деревья. Проснешься – и врываешься в рай.

В один из таких райских дней Гарик сказал:

– Значит, так. Решай. Или мы женимся, или я уйду.

Инна молчала с тупым лицом. Гарик внимательно смотрел на ее лицо. Потом поднялся и начал собирать свои шмотки в большую спортивную сумку. Он не блефовал. Инна это поняла. И заплакала.

Вещи Гарика были раскиданы по всему дому, во всех комнатах. Он ходил и собирал. А Инна двигалась за ним следом и плакала.

– Перестань, – просил Гарик. – Тырываешь мне сердце.

Инна не переставала. Он обнимал ее и целовал в слезы.

– Пойдем погуляем напоследок, – попросила Инна.

Они оделись и вышли на улицу.

Гарик надел кожаную куртку на меху. Такие куртки носили летчики тридцатых годов. Ретро. Но не старье. Последний писк моды.

Инна оделась во что-то незаметное. Ей не до красоты. Жизнь валится.

Пусть задействован только первый этаж. Но разве этого мало? Без первого этажа вообще дом не построишь.

Они миновали сосновую аллею и вышли на высокий берег реки.

Будний день. Детей мало. Обычно они здесь съезжают с горки на санках, на пластмассовых тарелках и просто на собственном заду, как суворовские солдаты. Сейчас – единственный взрослый мужик, катается на лыжах. Одет, как бомж, во что ни попадя, но он не бомж, скорее всего научный работник. Просто не следит за своим внешним видом. На голове женская вязаная шапка. Взял у жены. Высокий лоб. Большие очки.

Гарик и Инна застыли на пригорке. Она склонила голову

ему на плечо. Такая скульптурная композиция: он и она на фоне реки и печали. Лыжник остановился рядом.

– Как приятно на вас смотреть... – поделился лыжник.

– Он меня сегодня бросает, – грустно сообщила Инна.

– Нет! – активно не поверил лыжник. – Не может быть!

Гарик горестно покачал головой несколько раз, подтверждая:

– Правда, правда...

Лыжник оттолкнулся палками и съехал вниз с крутого берега. Ему удалось. Он затормозил возле реки, повернулся на девяносто градусов и пошел по берегу не оглядываясь. Как будто обиделся. Получалось, нет в жизни счастья. И то, что кажется счастьем, – тоже облом.

Гарик и Инна вернулись на дачу. Захотелось горячего чая.

Они поставили чайник и стали ждать, когда он закипит.

Гарик посмотрел на часы. Сказал:

– Мне пора!

– Подожди... – взмолилась Инна.

– Да чего ждать, – отказался Гарик. – Что изменится?

Он оделся в прихожей. Взял свою сумку и пошел не оборачиваясь.

Инна выскочила на крыльцо. Схватила его за рукав.

– Ну что, что? – нетерпеливо спросил Гарик.

– Ты будешь видеться с Машей?

– Естественно. Там же моя дочь.

– Передай ей, что я сожалею. Я не смогу спокойно умереть. Я должна перед ней покаяться.

– Успокойся, ты здесь ни при чем.

– Как ни при чем? Если бы я не вклинилась, вы бы жили до сих пор. Ругались и жили. А я – как собака на сене. Ни себе ни людям.

– Видишь ли... Мы с Машей любили друг друга, как боги на Олимпе. Она была только моя, а я – только ее. До тех пор, пока мы не переехали в эту гребаную Москву. А здесь, в Москве, она увидела другие возможности, и я стал не нужен. Она отдалялась, а я ничего не мог сделать. Ты – это просто мое самоутверждение. Я хотел доказать себе, что я тоже не стебель от одуванчика. Хотел утвердиться в собственных глазах. Вот и все. Так что не парься, зяблик. Живи спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.